

УДК 17; 228

***ПЕТЕВ Николай Иванович**, аспирант кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
Автор 10 научных публикаций*

ПРОБЛЕМА ДОБРА И ЗЛА В «ОТКРОВЕНИИ» ИОАННА БОГОСЛОВА

В данной статье рассмотрен нравственный аспект «Откровения» Иоанна Богослова, который отражается в общей картине эсхатологического разрушения бытия. Существует множество толкований данного текста, но единого мнения по поводу внутреннего содержания нет. В статье проанализированы подходы к данной проблематике с точки зрения теологии, этики и религиоведения, которые раскрывают разное отношение к феномену эсхатологического разрушения бытия. Кроме того, проанализированы образы и символы «Откровения», раскрывающие нравственный аспект данного текста. Символизм Иоанна Богослова представляет собой сложную систему, внутреннее содержание которой можно обнаружить только при глубоком анализе «Откровения». В статье представлен анализ символики, выделены разные категории символов. Также рассмотрено влияние образов «Откровения» Иоанна Богослова на внутреннее нравственное и психологическое состояние индивида. Рассмотрена и выявлена нуминозная сторона символизма «Откровения». Особое внимание уделяется отрицательным символам, которые служат стимулятором нравственной аутентичности индивидуума. Система символов и образов «Откровения» в целом – это единственный способ выражения отрицательных и положительных ценностей (идеалов) в полном объеме и во всех аспектах. Ввиду ограниченности языка практически невозможно сформировать точную дефиницию той или иной ценности. Осознавая это, можно понять, почему художественные образы в данном случае стали наиболее оптимальным способом. Кроме того, рассмотрены основные вопросы подмены ценностей, провиденциализма, а также допущения зла, связанные с эсхатологической парадигмой Апокалипсиса Иоанна Богослова.

Ключевые слова: христианская этика, нравственный аспект Апокалипсиса, этический эсхатологизм, тип символов «Откровения», персонифицированный символизм Апокалипсиса Иоанна, «Откровение» Иоанна Богослова, подмена ценностей.

Проблема нравственности, отраженная в эсхатологическом тексте «Откровения», является актуальной ввиду своей неразработанности и сложности. Изучение данного вопроса требует особого подхода, основанного на синтезе

теологической, этической и религиоведческой методы, отраженной в данной статье. Изучением «Откровения» Иоанна Богослова изначально занимались богословы и теологи в рамках интерпретационных работ. Самое первое

толкование принадлежит св. Андрею Кесарийскому (VI–VII века), актуальность и наибольшая известность которого на славянском языке сохранялась до XV века. Начиная с XX века появляются работы иных толкователей «Откровения», чье видение данного текста отличалось от архаического и традиционного (Сергий Булгаков, А. Мень).

На сегодняшний день существует множество работ, посвященных общей, и в частности христианской, проблеме эсхатологического разрушения бытия [1, 4, 6–8, 11, 15, 21, 22, 26], однако необходимо отметить, что многие из них не являются авторитетными, т. е. не основываются на научных данных. Вопрос нравственности в таких работах не затрагивается, а если выносятся на обсуждение, то носит описательный характер без научного анализа. Также для данной статьи имеют немаловажное значение научные изыскания таких авторов, как Р. Отто, Дж. Мур, Дж. Ролз, Н.О. Лосский, А.П. Скрипник и т. д. Указанные авторы не касаются эсхатологической проблематики, однако их работы важны для целостного этического анализа, а также для выявления нравственного примата «Откровения» Иоанна Богослова.

Проблема дефиниций добра и зла в этике остается открытой, т. к. сложно дать четкое определение данным терминам. Основная сложность заключается в одновременной простоте и всеобъемлемости понятий. Кроме того, невозможно определить добро каким-либо его предикатом [9, с. 65], ибо такая подмена будет искажением внутреннего содержания данного понятия. Это касается и дефиниции зла, т. к. его определение дифферентно терминологии добра. Иными словами, ввиду того, что «зло» в сущности своей есть противоположность «добра», то и возможность определения зависит от дефиниции последнего.

В «Откровении» Иоанна Богослова эта проблема не только сохраняется, но и приобретает особую сложность, которая заключается в этической оценке апокалиптических событий. Нет сомнений, что при анализе эсхатологического процесса мы наблюдаем дифференциальность личностных отношений и теологической оценки¹. Дело в том, что бедствия и испытания, с которыми придется столкнуться человеку, не соотносятся с идеей о благе. В основе выбора человека лежит не то, насколько много он знает вообще, а как логически он рассуждает, имея определенную совокупность информации [13, с. 350]. Соответственно, все происходящее вокруг него во время эсхатологического коллапса не ассоциируется с концепцией блага. Следовательно, нравственная оценка индивидом событий, происходящих во время эсхатологического разрушения мироздания, носит отрицательный характер, т. е. разрывается логическая связь между пониманием моральной правильности поведения, справедливости и божественного будущего блага.

Положительная теологическая оценка заключается в концепции о божественном провиденциализме, а сам процесс апокалипсиса характеризуется как некое испытание (ни отрицательное, ни положительное с нравственной точки зрения), по прошествии которого истинно верующие обретут награду. Образ жизни, где неотъемлемыми элементами являются нравственность и справедливость, последние становятся уже наличествующими принципами как «само по себе», независимо от обстоятельств, поэтому не возникает антагонистических отношений между концепциями божественной справедливости и личного блага, несмотря на события апокалипсиса.

Сравнивая две эти оценки апокалиптических событий, отметим, что они кардинально отличаются друг от друга. В первом случае

¹ Подобное можно встретить в работе «Теория справедливости» Дж. Ролза, где он отмечает, что существует две теории блага: социальная и теологическая [14, с. 349]. Правильность в поступках и осознание справедливости испытаний эсхатологического конца времен по-разному рассматривается с точки зрения личностной и теологической оценки.

мы имеем дело с антропоцентрическим подходом, где в основе логических суждений, а затем и нравственных поступков лежит личностный аспект. А во втором случае – с концепцией провиденциализма благого Бога, в которой нравственное поведение является наличествующим принципом каждого верующего, подразумеваемым как «само по себе». Однако оба эти подхода не позволяют сформировать четкую дефиницию нравственного и безнравственного, добра и зла в «Откровении» Иоанна Богослова. Личностный подход не способен дать ответ по причине своей субъективности, а также ввиду сильного влияния на человека событий и внешних факторов². Теологическая оценка основывается на принципе наилучшего исхода для всего человечества, который является наградой для верующих и соблюдающих заповеди, но она не рассматривает специфические этические вопросы и проблемы «Откровения» Иоанна Богослова, оставляя подобные рассуждения в границах теологических истин³.

Этика в целом и религиозная этика в частности не касаются эсхатологических вопросов ввиду их специфики, оставляя рассуждения в данной области теологии. Но «Откровение» Иоанна Богослова является не только религиозным текстом, но также и системой нравственных концепций, которые имплицитно встроены в текст данного отрывка Нового завета. Принимая во внимание эту специфику, невозможно получить положительный результат, подходя к вопросу только с этической или теологической

методики изучения. В действительности оптимальным методом является синкретическое объединение этической, теологической и религиозноведческой методы⁴.

Христианство отличается от других религий не столько своим культовым содержанием или вероучением, сколько апокалиптическим вектором направленности. Ему присуще эсхатологическое внутреннее содержание, которое оказывает непосредственное влияние на христианскую этику. Например, все вероучение апостола Павла, включая этические постулаты, связано с апокалиптикой, где даже нравственное совершенствование, единение с Богом и мистика Христа зависят от эсхатологического конца мироздания [17, с. 195]. Поэтому для христианской этики необходимы знания в области апокалиптических представлений, однако данному аспекту уделяется мало внимания. Исследования в данной области позволят привести новые знания в область теории и практики религиозной этики, особенно христианской.

Первое, на что нужно обратить внимание, рассматривая вопрос о добре и зле в «Откровении» Иоанна Богослова, это особое значение образов и символов, которые можно разделить на две категории: числовые и персонифицированные. «Символика священных чисел была издавна употребляема в Библии» [8, с. 324], однако она имеет особое, практически центральное и фундаментальное значение в «Откровении» и эсхатологии христианства в целом.

Вторая категория является наиболее ярким примером символов и образов, отражающих

² Это ошибочность субъективного мнения. Дж. Мур отмечает, что есть случаи, когда человек может нарушить нравственные предписания, но люди не знают, когда именно наступает такой случай, поэтому не стоит их нарушать [10, с. 250–251]. Эсхатологические события являются репрезентацией именно такого случая, где нарушение моральных принципов в сознании индивида будет иметь целесообразный характер.

³ Всякий аспект бытия переживается как нечто должное, такое, что само по себе является добром как оправданное своим долженствованием [6, с. 346]. В целом необходимо отметить, что и сама теология не ставит своей целью решение эсхатологических этических вопросов и проблем. Рассуждения данного типа ограничиваются вероучением и богословскими суждениями в рамках религиозных традиций.

⁴ Можно назвать этот метод этическим эсхатологизмом, где теологическая интерпретация образов и символов «Откровения» трансформируется в знания благодаря этическому подходу. Религиоведение является связующим звеном, которое помогает этике интерпретировать теологические рассуждения, выводы и доводы, а также прояснить экзегезу текста «Откровения».

антагонистическое соотношение добра и зла, явленных Иоанну Богослову. Она сложнее первой, т. к. существует множество интерпретаций того или иного символа. Конкретная дефиниция становится практически невозможной ввиду неоднозначности перцептивного процесса, однако среди толкователей существуют и схожие трактовки образов. Учитывая вышесказанное, необходимо отметить, что образы «Откровения» имеют характер *numen*, т. е. «священного». Среди всех «проявлений» (моментов) данных *numen* необходимо выделить *mirum* и *misterium*. Момент первого заключается в том, что символы «Откровения» вызывают чувство чего-то естественного (художественный образ), но в то же время совершенно иного, выпадающего из сферы естественного (что вызывает сакральные чувства) [10, с. 44]. Чувства, вызываемые *misterium*, настолько неоднозначны, что язык не может их выразить, а рассудок понять. Возможность выражения становится осуществимой лишь при помощи символов и аналогий [10, с. 62]. Репрезентация совершенно иного, отличающегося от естественного, происходит через образы и символы.

Все образы «Откровения» Иоанна Богослова можно разделить на три категории:

- 1) персонифицирующие добро;
- 2) персонифицирующие зло;
- 3) амбивалентные.

К амбивалентным символам можно отнести образы, которые не относятся ни к категории зла, ни к категории добра. Внутреннее содержание таких образов неоднозначно, т. к. нет ярко выраженных inferнальных или небесных черт. Ярким примером данной категории являются четыре всадника Апокалипсиса⁵. Эти образы не имеют ярко выраженных внешних признаков и элементов внутреннего содержания, которые позволили бы отнести их к символике либо добра, либо зла. Свойства и содержание этих персоналий указывают на нравственную нейтральность.

Сложнее обстоит дело с образами ангелов, освобожденных у реки Евфрат⁶. Проблема дефиниции заключается в неоднозначности образов, содержащихся в морфологическом и иконографическом несоответствии. Эта дифференциация заключается в том, что в «Откровении» эти персоналии имеют иерархическое определение «ангелов», т. е. сил небесного воинства, однако образу их присущ inferнальный характер. Их цель и действия также неоднозначны: они освобождены «для возмущения народов не только против христиан, но и друг на друга, чтобы чрез сие явились одни испытанными, верными и достойными лучших наград, подобно созревшей пшенице» [14, с. 83]. Из вышесказанного можно сделать вывод об амбивалентном характере образов четырех всадников.

Первая и вторая категории образов персонифицируют добро и зло. Эти образы кардинально противоположны в своем внутреннем моральном содержании. Таким образом, художественные приемы, использованные для описания того или иного образа, направлены на пробуждение в человеке определенных чувств. Образы, персонифицирующие добро, олицетворяют собой наивысшие положительные ценности, способные «пробуждать» чувство возвышенного, которое в свою очередь вызывает чувство *numen* (нуминозного) [10, с. 84], т. е. особого духовно-эмоционального и душевного переживания при встрече с сакральным. Благодаря способности дивинации – способности по-настоящему узнавать и признавать священное – индивид испытывает восхищение образами добра в «Откровении», которые олицетворяют нравственную чистоту. Художественное описание образов имеет огромное значение, т. к. «если рассмотрим природу духовных черт, достойных восхищения самих по себе, то окажется, что именно их оценка связана с чисто материальной красотой» [9, с. 298]. Иными словами, благодаря внешнему аспекту пред-

⁵ Откр. 6:2–8.

⁶ Откр. 9:14–15.

мета осуществляется его сущностная оценка индивидом.

Сложнее дело обстоит с персонификацией зла. Безусловно, образы зла также имеют свою внутреннюю отрицательную ценность, но, несмотря на это, их значение для «Откровения» Иоанна Богослова является неоспоримым. Семантическое значение и символика, персонифицирующие зло в Апокалипсисе, направлены на пробуждение интуитивного «отвращения» от того, что дифференциально внутреннему нравственному содержанию каждого индивида. К таким образам можно отнести образы Антихриста, Зверя, Красного Дракона, Багряной жены и т. д.⁷ Однако, учитывая особенности человеческого сознания, нужно иметь в виду, что возникновение интереса к данному феномену со стороны личности также является возможным, и Р. Отто называет этот контраст гармонией: чем страшнее, тем притягательнее [10, с. 59]. Инфернальные образы как нечто «совершенно иное» будоражат фантазию, очаровывая своей диковиной [10, с. 48], пробуждают в человеческой душе неукротимый интерес. Этот момент мистического «опьянения» свойственен и образам, интерпретирующим добро, однако особое «дионисийское» воздействие оказывают образы зла, т. к. здесь действует принцип полного подчинения воли моментальному естественному желанию. Именно поэтому в «Откровении» действует принцип ограниченности зла, что характеризует его как нечто неполное, мнимое, мимолетное, ограниченное в возможностях и действиях. Здесь мы сталкиваемся с интересным парадоксом: огромная сила зла и в то же время его бесспорная слабость. Даже образ сатаны амбивалентен: он могущественен и слаб одновременно [15, с. 116].

В «Откровении» Иоанна Богослова отражено изменение линии поведения людей в связи с эсхатологическими событиями, к которым они становятся причастны. Основной причиной является подмена ценностей, которая является фундаментальным элементом бытийного

существования мира во время эсхатологического коллапса. Нравственное поведение уже не будет являться чем-то само собой разумеющимся и необходимым в межличностных отношениях, критерий нравственного поведения не будет играть для многих никакого значения в мотивации поступков. Нравственная добродетель индивида зависит от общества в целом, он следует моральным принципам, если и другие им следуют [13, с. 381].

Вектор поведения будет определяться личной выгодой и приобретением материального благополучия независимо от того, каким образом это отразится на окружающих. Актуальным и определяющим принципом поведения многих персонажей «Откровения» является эгоистическое удовлетворение низменных естественных потребностей, что в свою очередь умаляет значение духовного роста и развития. Сергей Булгаков отмечает, что «сатана действует в мире через звериное и зверское начало человеческой жизни» [11, с. 100]. Нравственная деградация человечества как моральное зло является следствием духовного обмирщения и стремлением накопления материальных благ. Эта эсхатологическая тенденция скрывает в себе принцип «умирания» тварного мира, т. к. согласно христианскому вероучению только те, кто сохранил нравственную чистоту, смогут обрести спасение в новом мире. Безнравственность человеческого общества в «Откровении» является особым катализатором эсхатологических событий, символом неспособности и нецелесообразности существования такого общества.

Необходимо проанализировать общую эсхатологическую картину «Откровения» Иоанна Богослова. Апокалипсис представляет собой цепь эсхатологических событий, которые имеют строгую систематику. Отметим, что природные катаклизмы апокалиптического коллапса носят амбивалентный характер. Природные катастрофы не являются олицетворением зла, однако они способствуют деморализации

⁷ Откр. 13:1–18; 12:3–4; 17:2–6.

слабых людей [4, с. 43]. Внешние материальные процессы не имеют какого-либо нравственного вектора – ни зла, ни добра. Они лишь необходимое следствие эсхатологического разрушения материального мира, которое оказывает воздействие на нравственную составляющую каждого индивида: одни нравственно деградируют, а другие, наоборот, очищаются.

По тексту «Откровения» мы видим, как зло набирает наибольшую силу и обретает свои материальные и социальные формы проявления. В космическом порядке зло само себя развенчивает и разоблачает, что делает его слабым и неопасным [15, с. 117]. Оно стремится к самоуничтожению, т. к. является рудиментом бытия. Несмотря на то, что зло возникает акцидентно (случайно), оно играет важную роль в мировой драме. Оно не может существовать без мирового добра, однако добро без зла существовать может: по христианскому вероучению это изначальная структура мироздания.

Допущению зла присущ особый провиденциальный характер. Основная причина допущения зла – дальнейшее становление высшего добра. Кроме того, злом можно поправить зло, т. к. наилучшее из возможных устройств может содержать баланс несовершенств [13, с. 249]. Поэтому целесообразность усиления воздействия зла в мире во время эсхатологических событий является необходимым элементом катарсиса. Но борьба со злом иным злом не всегда эффективна, – существует возможность формирования иных форм зла, которые, возможно, могут быть опаснее того, с которым велась борьба. Вследствие этого в «Откровении» действует принцип несопротивления злу насилием. С другой стороны, существует мнение, что несопротивление злу означает принять его, дать ему власть и силу, подчиниться ему, стать его орудием, а затем разносить его как заразу [4, с. 38]. «Откровение» не предполагает явного открытого конфликта со злом во всех его проявлениях, а скорее мотивирует к внутреннему духовному сопротивлению через духовный рост и нравственное очищение.

В заключение следует отметить, что процесс эсхатологического очищения, отраженный в «Откровении» Иоанна Богослова, подчиняется принципу Дж. Мура: ценность целого больше ценности его части [10, с. 165]. Иными словами, обоснованностью апокалиптических событий является общее благо всего человечества, а не конкретного индивида. Нравственное очищение – это обязательное условие для каждого, кто желает спастись, и в контексте «Откровения» оно сопряжено с перенесением всех испытаний и катаклизмов. Стремление к материальным благам сверх необходимого становится причиной нравственной секуляризации и деморализации индивида, что делает его неспособным к новому духовному и телесному состоянию, которое по христианскому вероучению необходимо для спасения после Страшного Суда. Эсхатологический процесс не только не ограничивает свободу воли и выбора человека, но и предполагает особую ответственность и санкции за принятое решение.

Из вышесказанного мы можем сформулировать следующие выводы:

– «Откровение» Иоанна Богослова – это нравственная система ценностей, имплицитно встроенная в религиозный текст;

– апокалипсис Иоанна имеет моральный примат как стимул к нравственному поведению;

– символы «Откровения» – это единственный способ выразить отрицательные и положительные ценности (идеалы) в полном объеме и во всех аспектах;

– значение «отрицательных» символов в «Откровении» немаловажно: они, как и «положительные», направлены на стимуляцию нравственного выбора;

– события апокалиптических времен предполагают смену вектора нравственного поведения (подмена ценностей), однако согласно христианскому вероучению только следование нормам морали позволит обрести спасение;

Исследования, представленные в статье, имеют теоретическое значение для религиозной этики как источника иных знаний, которые позволяют расширить область исследования

нравственного аспекта эсхатологических концепций, в частности христианской. Практическое применение данных, изложенных выше, будет полезно в теологических, этических и религиозных концепциях.

Список литературы

1. *Витковская М.Г., Витковский В.Е.* Апокрифические апокалипсисы. СПб., 2001. 279 с.
2. *Гатри Д.* Введение в Новый Завет: пер. с англ. и ред. К. Назаров. М., 2007. 528 с.
3. *Гермоген, еп. Тобольский и Сибирский.* Толкование на «Откровение» Иоанна Богослова. URL: <http://www.russkiysobor.com/forumrussobor/viewtopic.php?f=10&t=274> (дата обращения: 10.09.2014).
4. *Зиновьев А.В.* Магия Апокалипсиса: из истории исследования загадок Библии. Саранск, 1990. 255 с.
5. *Ильин И.А.* Собр. соч.: в 10 т. М., 1996. Т. 5. 608 с.
6. *Кассе Э.* Кризис или конец света? Апокалипсис 2012 / под ред. М.В. Смирновой. СПб., 2009. 192 с.
7. *Красичкова А.Г.* 2012: конец света. М., 2010. 416 с.
8. *Лобье П. де.* Эсхатология. М., 2004. 158 с.
9. *Лосский Н.О.* Бог и мировое зло. М., 1994. 432 с.
10. *Лосский Н.О.* Условия абсолютного добра. М., 1991. 368 с.
11. *Марьянис А.* 2012: Апокалипсис от А до Я. М., 2010. 368 с.
12. *Матвеев П.Е.* Моральные ценности: моногр. Владимир, 2004. 190 с.
13. *Мень А.* Библиологический словарь / под ред. Р. Адомянц, С. Рузер, П. Мень и др. М., 2002. Т. 2. 558 с.
14. *Мур Дж.Э.* Принципы этики: пер. с англ. Л.В. Коноваловой / общ. ред. И.С. Нарского. М., 1984. 327 с.
15. *Носовский Г.В., Фоменко А.Т.* Число зверя. Когда был написан Апокалипсис. М., 2009. 127 с.
16. *Отто Р.* Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным: пер. с нем. А.М. Руткевич. СПб., 2008. 272 с.
17. *Прот. Булгаков С.* Апокалипсис Иоанна / под ред. Г. Андреева. М., 1991. 151 с.
18. *Прот. Фаст Г.* Толкование на Апокалипсис. Красноярск, 2004. 496 с.
19. *Ролз Дж.* Теория справедливости. Новосибирск, 1995. 513 с.
20. *Св. Кесарийский А.* Толкование Апокалипсиса. Минск, 2005. 248 с.
21. *Симонов В.А.* Апокалипсис наступит завтра. М., 2006. 448 с.
22. *Симонов В.А.* 2012 и далее. Пророки о будущем мира. М., 2010. 448 с.
23. *Скрипник А.П.* Моральное Зло. М., 1991. 351 с.
24. *Тихомиров Л.* Апокалипсическое учение о судьбах и конце мира. URL: <http://www.apocalypse.orthodoxy.ru/review/1907.htm> (дата обращения: 10.09.2014).
25. *Швейцер А.* Жизнь и мысли: пер. с нем. А.Л. Чернявского. М., 1996. 528 с.
26. *Штайнер Р.* Апокалипсис: пер. с нем. З.Р. Бабаян, С.К. Бабаян. Ереван, 2009. 448 с.

References

1. Vitkovskaya M.G., Vitkovskiy V.E. *Apokrificheskie apokalipsisy* [Apocryphal Apocalypses]. St. Petersburg, 2001. 279 p.
2. Guthrie D. *New Testament Introduction*. 1962 (Russ. ed.: Gatri D. *Vvedenie v Novyy Zavet*. Moscow, 2007. 528 p.).
3. Hermogenes, Bishop of Tobolsk and Siberia. *Tolkovanie na "Otkrovenie" Ioanna Bogoslova* [Commentary on "The Book of Revelation" by John the Apostle]. Available at: <http://www.russkiysobor.com/forumrussobor/viewtopic.php?f=10&t=274> (accessed 10 September 2014).
4. Zinov'ev A.V. *Magiya Apokalipsisa: iz istorii issledovaniya zagadok Biblii* [The Magic of the Apocalypse: From the History of the Study on Biblical Mysteries]. Saransk, 1990. 255 p.
5. Il'in I.A. *Sobr. soch.: v 10 t.* [Collected Works: In 10 Vols.]. Moscow, 1996. Vol. 5. 608 p.
6. Kasse E. *Krizis ili konets sveta? Apokalipsis 2012* [A Crisis or the End of the World? Apocalypse 2012]. St. Petersburg, 2009. 192 p.

7. Krasichkova A.G. 2012: *konets sveta* [2012: The End of the World]. Moscow, 2010. 416 p.
8. Laubier P. de. *L' eschatologie*. Paris. 1998 (Russ. ed.: Lob'e P. de. *Eskhatologiya*. Moscow, 2004. 158 p.).
9. Losskiy N.O. *Bog i mirovoe zlo* [God and Suffering]. Moscow, 1994. 432 p.
10. Losskiy N.O. *Usloviya absolyutnogo dobra* [Absolute Good]. Moscow, 1991. 368 p.
11. Marianis A. 2012: *Apokalipsis ot A do Ya* [Apocalypse from A to Z]. Moscow, 2010. 368 p.
12. Matveev P.E. *Moral' nye tsennosti* [Moral Values]. Vladimir, 2004. 190 p.
13. Men' A. *Bibliologicheskii slovar'* [Bibliological Dictionary]. Moscow, 2002. Vol. 2. 558 p.
14. Moore G.E. *Principia Ethica*. Cambridge. 1922 (Russ. ed: Mur Dzh.E. *Printsipy etiki*. Moscow, 1984. 327 p.).
15. Nosovskiy G.V., Fomenko A.T. *Chislo zverya. Kogda byl napisan Apokalipsis* [The Number of the Beast. When Was the Apocalypse Written?]. Moscow, 2009. 127 p.
16. Otto R. *Das Heilige: Über das Irrationale in der Idee des Göttlichen und sein Verhältnis zum Rationalen*. Breslau. 1917 (Russ. ed.: Otto R. *Svyashchennoe. Ob irratsional'nom v idee bozhestvennogo i ego sootnoshenii s ratsional'nyim*. St. Petersburg, 2008. 272 p.).
17. Archpriest Bulgakov S. *Apokalipsis Ioanna* [The Apocalypse by John the Apostle]. Moscow, 1991. 151 p.
18. Archpriest Fast G. *Tolkovanie na Apokalipsis* [Commentary on the Apocalypse]. Krasnoyarsk, 2004. 496 p.
19. Rawls J. *A Theory of Justice*. Harvard University Press, 1971 (Russ. ed.: Rolz Dzh. *Teoriya spravedlivosti*. Novosibirsk, 1995. 513 p.).
20. Andreas of Caesarea. *Tolkovanie Apokalipsis* [Commentary on the Apocalypse]. Minsk, 2005. 248 p.
21. Simonov V.A. *Apokalipsis nastupit zavtra* [The Apocalypse Will Come Tomorrow]. Moscow, 2006. 448 p.
22. Simonov V.A. *2012 i dalee. Proroki o budushchem mira* [2012 and Beyond. Prophets on the Future of the World]. Moscow, 2010. 448 p.
23. Skripnik A.P. *Moral'noe Zlo* [The Moral Evil]. Moscow, 1991. 351 p.
24. Tikhomirov L. *Apokalipsicheskoe uchenie o sud'bakh i kontse mira* [Apocalyptic Doctrine of Fate and the End of the World]. Available at: <http://www.apocalypse.orthodoxy.ru/review/1907.htm> (accessed 10 September 2014).
25. Schweitzer A. *Aus meinem Leben und Denken*. Leipzig. 1931 (Russ. ed.: Shveytser A. *Zhizn' i mysli*. Moscow, 1996. 528 p.).
26. Steiner R. *Apokalipsis* [The Apocalypse]. Yerevan, 2009. 448 p.

Petev Nikolay Ivanovich

Postgraduate Student, Vladimir State University (Vladimir, Russia)

THE PROBLEM OF GOOD AND EVIL IN THE BOOK OF REVELATION BY JOHN THE APOSTLE

This paper dwells on the moral aspect of *The Book of Revelation* by John the Apostle, which is reflected in the overall picture of the eschatological destruction of life. There are many interpretations of the text but no common view on its content. Approaches to this issue from the point of view of theology, ethics and religious studies, which have different relation to the eschatological destruction of life, are analyzed. In addition, the paper studies the images and symbols of *Revelation* which show the moral aspect of the text. John the Apostle's symbolism is a complex system, the content of which can only come to light upon an in-depth analysis of *Revelation*. Thus, the author singles out various categories of symbols. Further, the influence of the images in *Revelation* on the moral and psychological state of a person is studied; the numinous side of the text's symbolism is revealed and examined. Special attention is given to the negative symbols that stimulate moral authenticity of a person. The system of symbols and images in *Revelation* as a whole is the only way of expressing negative and positive values (ideals)

in their entirety and in all their aspects. Due to the limited language means, it is almost impossible to give a precise definition of the values. With this in mind, we can understand why imagery in this case was the best solution. In addition, the paper turns to the main issues of value substitution, providentialism, and allowing of evil, which have to do with the eschatological paradigm of *The Apocalypse* by John the Apostle.

Keywords: *Christian ethics, moral aspect of The Apocalypse, ethical eschatology, numen of Revelation's symbols, personified symbolism of The Apocalypse by John the Apostle, The Book of Revelation, value substitution.*

Контактная информация:
адрес: 600014, г. Владимир, просп. Строителей, д. 3/7;
e-mail: cyanideemo@mail.ru

Рецензент – *Кондратова Г.А.*, доктор философских наук, доцент кафедры отечественной истории Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова; *Попков Ю.В.*, доктор философских наук, профессор, заместитель директора по научной работе института философии и права Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск)